

Про старого казака Илью Муромца

Ой недалёко от города от Киева,
Ах, не далёко, не близко — да за двенадцать вёрст,
Стояла застава да боғатырская,
Не велика, не мала — тридцать собогатырёв.
Они хранили-каравулили стольнёй Киев-град.
Тут не конной, не пешой не прохаживал,
Не рысучой зверь да не пробегивал,
Не ясён сокёл да не пролётывал,
А жил за старшего да Илья Муромец.
Поутру вставал да он ранёшенько,
Умывается старбй да ключевой водой,
Вытирается старбй да полотеничком,
Богу молится да не по множеству,
Одевал козловы-те сапожки на белы чулки,
А кунью шубу да на плечи,
А пуховой колпак да на головушку.
А брал он трубочку подзорную
И зрел-смотрел на все стороны:
На севере стоят да ледяны горы;
А еще зрит в сторону восточную —
На восточной стоят да леса темные;
А еще зрит-смотрит в ту да южную —
А на юге там стоят луга зелёные;
А еще зрит-смотрит во сторону во западную —
А на западе стоит да поле чистое,
Поле чистое да все Куликово.
Там славный Буян-остров, он шатается,
А не Саратовски там горы да воздымаются —
А ведь едет богатырь да забавляется:
Во руках держит да свой лук тугой,
Он стрелочку калёну да сам постреливат,
На лету ее подхватыват,
На землю ее да не ураниват.
На левом колене у его чернильница,
На его правом колене бумажечка.

А и пишет он арлык да скору грамоту,
Он подмётыват да ко белу́ шатру.
Выбегат старой да он скорешенько,
Брал он записочку легошенько,
Давал читать Добрынюшке Никитичу.
Где читал Добрыня, да усмехаётся:
«А не идёт богатырь, да похваляется:
„Уж я еду к вам в стольный Киев-град,
Пошуметь-пограметь да в стольном Киеве,
Я божьи церкви на дым спущу,
А церковны-те иконы на поплаву воды,
А медны кресты я во грязь стопчу,
Владимира-князя под меч склоню,
Апраксию-княгиню за себя возьму,
Крупну силу да я повыбью всю,
Мелку силу я повыгоню,
Да Добрынюшку Никитича да во писари“».
Закричал старой громким голосом:
«А не время спать, да нам пора вставать,
Не от великого хмелю да просыпаться,
Не от крепкого сна вам разбужатся!
А кого же мы пошлём да за богатырем,
А кого же мы пошлём да за могучим?
А послать-то не послать Самсона да Колыбанова?
А Самсон-от Колыбанов роду да он сонливого,
Не за что он потеряет дак буйну голову.
А послать-то не послать-то Мишку ле Турупанишка?
А Мишка Турупанишка роду ле да торопливого,
Не за что он потеряет дак буйну голову.
А послать-то не послать Алешеньку Поповича?
А Алешенька Попович роду заговорлива,
Не за что он потеряет дак буйну голову.
А послать-то не послать Добрынюшку Никитича?
А Добрынюшка Никитич роду вежлива,
А сумеет он с богатырем ведь съехаться».
А не видели, как Добрыня да на коня скочил,
А не видели, как Добрыня да в стремя ступил,
Только видели: в поле ко́поть стоит.
Где догнал Добрынюшка богатыря,

Он кричал ему да во первóй након:
«Если русский богáтырь, да поворот держи,
А не русский богáтырь, да я напúс даю!»
А на это тут детина да не ослушался.
А закричал Добрыня да во второй након:
«Если русский богáтырь, да поворот держи,
А не русский богáтырь, да я напúс даю!»
А на это тут детина да не ослушался.
А кричал Добрыня да во третíй након:
«Если русский богáтырь да поворот держи,
А не русский богáтырь, да я напúс даю!»
А на это тут детина да не ослушался.
А тут стал Добрынюшка ругаться:
«А едешь, гадина, да перегадина,
А летишь, ворона да пустопёрая,
А летишь-машешься, сорока да загумённая.
А была у нас убайна коровка набозы́кова —
По загу́мьям коровина волочилась,
Алавíной корова да подавилась.
А верно те, собаке, да то же надобно».
А на это тут детина да поворот дает,
О да брал он Добрыню да за желты́ кудри́,
А бросал его да на сыру́ землю́,
А дал ему да тут по тяпышу,
А прибавил еще да по олабышу:
«А поезжай, грит, ты назад да во белóй шатер,
А скажи-ка старику да ты низкой поклон,
А что он вами, говнами, да заменяется:
Ему самому со мною да не поправиться».
А и едет Добрыня да не по-старому,
А и конь его бежит да не по-прежнему,
А повеся́ держит Добрыня да буйну голову́,
Потопя́ его да очи ясные.
А-де стал старóй Добрынюшку выпрашивать,
А Добрынюшку выпрашивать, его выведывать.
«Видел в поле да я богáтыря,
А шлёт он тебе да он низкóй поклон,
А говорит, что́ он вами, говнами, да заменяется,
Ему самому со мною да не поправиться».

А завидело око да молодецкое,
А слышало ухо да богатырское,
Расходились его плечá могучие,
Рассердилось его да ретивó сердцó:
«Оседлайте мне да вы добрá коня!
Уберите его да вы со трех цепей,
Уложите восемь подпружичек,
А девятую кладите да через хребётину.
А на шею кольчужечку серебряну,
А не ради красы дак молодецкой,
А ради крепости да богатырской,
А чтобы не оставил добрый конь да во чистóм полé.
А не успеете вы шей котла сварить —
А привезу я вам погану да буйну голову,
На погáленье вам дам, на порúганье!»
А не видели, как старóй да на коня вскочил,
А не видели, как он да в стремя вступил,
А только видели: в чистóм поле кóпоть стоит,
Из-под копыт коня да искры сыплются,
А из рта да коня да пламя мечется,
Не золотиста грива да расстилается,
Хвост трубой его да завивается.
О-де наговаривал Сокольник да он своим слугáм,
Он своим слугáм, да своим верным:
«Уж выбирайте вы себе хозяина поласковой,
А поласковой хозяина, повежливей,
А со старым-то съехатися — да не с родным отцом,
А со старым-то съехатися — да мне не брататься,
А со старым-то съехатися — да дело да под молитвою,
День под молитвою — да чья Божья помощь».
Тут не две горы да там столкнулись,
А два богáтыря да съехались.
А копыта их да повихались,
А сабли их да пощербались,
Ухватились они да там в охабочку,
Они бились-дрались да целы суточки.
А-де старóму похвально да слово встретилось —
А лева рука да проказнулася,
А права нога да подломилася,

А-де упал старóй да на сыру землю́,
Где взмолился старóй да Богородице:
«А я за вас стою, да я за вас борюсь,
А я стою-борюсь за верушку Христовую,
А выдали вы меня поганим да на погáленье,
А на погáленье выдали, на пору́ганье!»
А тут не ветер полосочкой возмахиват —
У старóго силы вдвое да тут попри́было.
Ухватил он Сокольника за подпазухи
И бросил его да на сыру́ землю́.
Он вытащил ножичок булатнойей,
Разорвал его латы железные,
А хотел он ему резать да груди черные,
А смотреть его да ретивó сердцó —
А в плече его рука да остоялася,
Он стал выпрашивать богáтыря:
«Уж ты кой земли, да коей матери,
А как звать тебя да нынь по имени?» —
«Когда я у тя сидел на грудях, тебя не спрашивал,
А режь меня да ты, не спрашивай».
А замахнулся старóй ведь во второй разок, —
А в локтю рука его да остоялася:
«Уж ты гой еси, да добрый молодец!
Коей ты земли, да коей матери,
А как тебя зовут да нонь по имени?» —
«Я у тя сидел на грудях, тебя не спрашивал,
А режь меня да ты, не спрашивай».
Замахнулся старóй да во третий разок —
А в заведи́ его рука да остоялася:
«Уж ты гой еси, да добрый молодец!
Коей земли да коей матери,
А как тебя зовут да нонь по имени?» —
«Есть за морем поляница да одинокая.
Есть за морем поляница да одинокая,
Та поляница — моя матушка».
Тут соскакивал старóй на резвы́ ногí,
Брал Сокольника за белы́ руки́,
Называл его сыном любезным.
Говорит Сокольник таково слово:

«А и как ты прижил меня моей маменьке?» —
«Я у маменьки твоей прожил втаю три месяца,
Тут тебя и прижил я, мой сын».
Говорит Сокольник таково слово:
«А поеду я, спрошу у моей маменьки,
Верно ли ты ею похвасталсе».
Погонил Сокольник к своей маменьке,
А старой поставил шатер белобархатный,
Лег он спать с великого побоища.
Пригонил Сокольник к своему двору,
Говорит матери таковы слова:
«Был я на полях на киевских,
Видел старого казака Илью Муромца,
Назвал он тебя б<лядь>ю, меня вы<блядко>м». —
«Не пустым старой похваляется:
Он со мной жил втаю ровно три месяца,
Тут тебя мне-ка прижил».
Тут схватил Сокольник саблю вострую,
Срубил у матери буйну голову.
Он сажился на добра коня,
Ехал во чисто поле ко старому.
Заскочил Сокольник в шатер белобархатный,
Старой спит, как порог шумит.
Ткнул Сокольник старого копьем в ретиво сердце.
А у старого погодился на груди чуден крест,
Копейцо в крест вошло да и сломалось.
Ото сну старой пробуждается,
Как схватил Сокольника за черны кудри,
Поднял повыше дерева стоячего,
Чуть пониже облака ходячего,
На белы руки его не подхватывал.
Пал Сокольник на матушку сыру землю —
Тут Сокольничку смерть случилась.
Тогда собрал старой свой белой шатер,
Соскочил старой на добра коня,
Сам поехал на заставу богатырскую.

(Зап. Колпаковой Н. П.: 5 авг. 1955 г., д. Боровская Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 52 г., Чупрова Маркела Маркеловича, 72 г., Чупровой Анны Лукичны, 43 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.